

УДК 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-4/123-145

Научная статья

© М. К. Любарт

ХИДЖАБ В ОБЩЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ И ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦИИ

Начиная с 1980-х гг. в связи с ростом мусульманской общины, ее недостаточной интеграцией во французское общество, процессами реисламизации, все больше женщин в мусульманских платках стало появляться на улицах французских городов. Хиджабы стали видимым маркером мусульманской идентичности, символизируя вместе с тем весьма тревожные для французского общества процессы, — проявления гендерного неравенства, отход от принципа секуляризма, исламскую угрозу для демократии, и т. д. Внутренняя социокультурная динамика во Франции оказалась такова, что именно в вопросе секуляризма сконцентрировался целый узел насущных проблем, связанных с интеграцией мусульманских мигрантов. Внешним проявлением этих проблем явилась борьба вокруг вопроса о ношении исламских символов в общественном пространстве, начавшаяся с «дела о платках» во французских школах, где светскому воспитанию традиционно придается большое значение. Однако скоро этот вопрос вышел за пределы учебных заведений, тема хиджабов оказалась в центре напряженной социально-политической борьбы, в которой столкнулись представители разных убеждений — сторонников и противников запретов на ношение хиджабов, по-разному понимающих принцип секуляризма. Тема мусульманских платков оказалась составной частью весьма политизированных дискурсов: о миграции в целом, о смысле республиканского принципа светскости и свободы вероисповедания; о гендерном равенстве и виктимизации мусульманских женщин; о принципе единства нации и недопущения коммунитаризма; о дискриминации и «культурном расизме» по отношению к культурным нормам мусульман, недопустимости диктата в отношении вопросов одежды, в т. ч. принудительности политики снятия женских покрывал и т. д.

Являясь одним из самых заметных символов ислама, хиджаб находится на границе социальных норм разных пространств: он видится как нормативный в мусульманском традиционном сообществе и как маргинальный для большинства французов, разделяющих ценности лаицизма (светскости). В статье предпринимается попытка очертить сложность политических и научных дискуссий по «делу о хиджабах», найти объяснение тому, что оно приобрело столь большой резонанс во французском обществе, вызвав приня-

---

Любарт Маргарита Кемальевна — к. и. н., старший научный сотрудник Центра европейских исследований, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (119334 Москва, Ленинский пр., 32А). Эл. почта: margarita_lubart@mail.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3781-4422>

* Работа выполнена в рамках Плана научно-исследовательских работ ИЭА РАН.

тие строгих законодательных мер в отношении мусульманских покрывал; а также сопоставить отношение к хиджабу тех, кто выступают сторонниками и противниками его ношения в повседневной жизни.

Ключевые слова: хиджаб, французское общество, исламская одежда, политические дискурсы

Ссылка при цитировании: Любарт М. К. Хиджаб в общественном пространстве и политическом дискурсе современной Франции // Вестник антропологии. 2022. № 4. С. 123–145.

UDC 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-4/123-145

Original Article

© Margarita Lyubart

HIJAB IN PUBLIC SPACE AND POLITICAL DISCOURSE IN CONTEMPORARY FRANCE

Since the 1980s due to the growth of the Muslim community, its insufficient integration into French society, the processes of re-Islamization, more and more women in Muslim headscarves began to appear in the streets of French cities. Hijabs have become a visible marker of Muslim identity, at the same time symbolizing processes that are very disturbing for French society — gender inequality, a departure from the principle of secularism, an Islamic threat to democracy, etc. The internal socio-cultural dynamics in France turned out to be such that it was in the issue of secularism where a whole knot of urgent problems related to the problems of integration of Muslim migration was concentrated. The outward manifestation of these problems was the struggle over the issue of wearing Islamic symbols in public space, which began with the “headscarf case” in French schools, where secular education is traditionally given great importance. However, this issue soon went beyond educational institutions, the topic of hijabs found itself at the center of a tense socio-political struggle, in which representatives of different beliefs clashed — supporters and opponents of bans on wearing hijabs, who understand the principle of secularism in different ways.

The topic of Muslim headscarves turned out to be an integral part of highly politicized discourses: about migration in general, about the meaning of the republican principle of secularism and freedom of religion; about gender equality and the victimization of Muslim women; about the principle of the unity of the nation and the prevention of “communitarianism”; about discrimination and “cultural racism” in relation to the cultural norms of Muslims, about the inadmissibility of diktat regarding clothing issues, including coercion of the policy of removing women’s veils, etc. Being one of the most visible symbols of Islam, the hijab is on the border of social norms of different spaces: it is seen as normative in the Muslim traditional community and as marginal for the majority of the French, who share the values of secularism. The article attempts to outline the complexity of political and scientific discussions on the “hijab case”, to explain the fact that it has gained such a great

resonance in French society, causing the adoption of strict legislative measures against Muslim veils; and also to compare the attitude towards the hijab of those who support and oppose wearing it in everyday life.

Keywords: *hijab, French society, Islamic clothing, political discourses*

Author Info: Lyubart, Margarita K. — Ph.D. in History, Senior Researcher, Center for European Studies, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Russian Federation, Moscow). E-mail: margarita_lubart@mail.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3781-4422>

For citation: Lyubart, M. K. 2022. Hijab in Public Space and Political Discourse in Contemporary France. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)*. 4: 123–145.

Funding: The study was carried out as a part of the research plan of the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology.

Хиджаб как «визуальная метафора» идентичности: к постановке проблемы

Выполняя ряд витальных и эстетических функций, одежда имеет также и информационную функцию, является, по выражению одного из исследователей, «визуальной метафорой» идентичности (Entwistle 2001: 37). При этом некоторые элементы одежды несут «повышенную смысловую нагрузку», их значение вовсе не нейтрально. Именно к таким предметам одежды относятся мусульманские покрывала и головные платки, являющиеся частью костюма женщин исламской культуры. Их ношение, конечно, обусловлено принадлежностью к определенному сообществу и является особенно заметным в общественном пространстве западноевропейского, в частности, французского общества.

Заметим, что во Франции целый ряд мусульманских покрывал, скрывающих женское тело частично или целиком, часто обобщенно называют мусульманским платком (foulard, voile) или хиджабом (hijab). Хотя хиджаб — это собственно платок, покрывающий только голову и плечи и оставляющий открытым лицо. Использование именно этого слова в повседневной и публичной речи во Франции объяснимо, видимо, и тем, что большинство французов не очень различают их разнообразие, и тем, что самые закрытые из покрывал — никаб и бурка — довольно редки на улицах французских городов.

В последние четыре десятилетия вопрос о хиджабах — символике этого заметного атрибута одежды, совместимости его ношения в публичном пространстве с ценностями светского государства, законодательные меры против религиозных символов, направленных, конечно, в первую очередь против хиджабов — взбудоражил страну. Триггером, переведшим вопрос в фазу одной из самых острых общественно-политических полемик современности, явилось «дело о хиджабах» в лицее г. Крей (Creil, Сев. Франция) 1989 г., администрация которого исключила трех учениц, носивших хиджаб. Реакция общества на это, казалось бы, не очень заметное событие, оказалась небывало сильной, последовали многочисленные выступления, дискуссии в СМИ, протесты разных политических сил. По тому резонансу, который получил этот случай, Французский институт изучения общественного мнения (IFOP) назвал его «поворотным моментом в новейшей истории страны» (Ifor 2019), а некоторые исследователи сравнили со знаменитым «делом Дрейфуса» (Galembert 2008: 19).

Проблемы, связанные с хиджабом во Франции, привлекают внимание разных специалистов — политологов и правоведов, социологов, антропологов, и других. Особенностью французской историографии этого вопроса, является, на мой взгляд, его большая политизированность, включенность ряда специалистов по этим проблемам в решение практических политических вопросов, а также то обстоятельство, что научные исследования являются только частью большой общественно-политической дискуссии, которая интересует довольно широкие слои общества.

Одним из важных направлений исследований темы хиджабов является осмысление проблем секуляризма (светскости) в современной Франции. Их общественно-политическая рефлексия имеет в стране большую историю и законодательную практику, и с конца XX — начала XXI вв. стала особенно острой. Внутренняя социальная и культурная динамика оказалась такова, что именно в вопросе секуляризма сконцентрировался целый узел проблем, с ним оказались связаны проблемы приема и интеграции массовой миграции, национальной идентичности, коммунитаризма и роста исламизма. Их внешним проявлением явилась борьба вокруг вопроса о ношении исламских символов (платков) в общественном пространстве (*Baubérot, Milot, Portier 2015; Baubérot, Bouzar, Costa-Lascoux, Houziaux 2004; Ferhat 2019*).

Общественно-политическая дискуссия на темы секулярности и ношения хиджабов стала возможной во многом потому, что, как отмечают специалисты, «конституция Франции не дает никакого юридического определения принципа светскости, не раскрывает напрямую его содержание», «понятие «светскость» является неоднозначным, а его точного юридического определения не существует» (*Шахов 2014*). Ж. Боберо, известный французский историк и социолог, основатель социологии секуляризма, утверждает, что во Франции существует не столько особая модель «лаицизма» (от фр. — *laïcité*), сколько различные взгляды на светскость в постоянно меняющемся балансе политических сил. Ж. Боберо выделяет семь концепций светскости, между которыми, как ему видится, происходит столкновение на французском политическом поле. Господствующая модель секуляризма является продуктом баланса сил между социальными акторами и сторонниками различных представлений (*Baubérot 2014; Baubérot 2015*).

Исследователи Ф. Косрокавар и Ф. Гаспар, обратившиеся в 1995 г. к властям с призывом отмены запретов ношения хиджабов, ссылаясь на Европейскую конвенцию прав человека, обратили внимание, что образовался разрыв в европейском и французском законодательстве по этому вопросу (*Kosrokhavar, Gaspard 1995*). Ряд других авторов, исследуя ношение хиджаба как практику публичного проявления ислама, также говорят о многих юридически не решенных вопросах (*Galembert 2008; Galembert 2009; Billaud, Castro 2013*). Указывается, например, на противоречие между законом, запрещающим ношение хиджаба, и принципом свободы совести; на непоследовательность политики секуляризма, проводимой в стране, с ее резкими поворотами, к числу которых относятся и запреты на исламские покрывала. Р. Коэн-Альмагор, рассуждая о появлении новых ценностей во французском обществе, подчеркивает, что проблемы единства нации, секуляризма и безопасности выходят сегодня на первый план среди них. Пытаясь сохранить общественное пространство светским, Франция видит в исламской одежде повышенную угрозу. Однако, обеспечивает ли запрет на хиджаб и паранжу сохранение общественных свобод, свободу совести? — задается он вопросом (*Cohen-Almagor 2021, Cohen-Almagor 2022*).

Французскими учеными изучаются и политико-правовые аспекты ношения покрывал, в т. ч. взаимодействие между законодателем и административной юстицией (Galembert 2009). Интересным является исследование, посвященное конкретной практике административных властей, которые могут, например, выносить решение о способности к ассимиляции, нужное для получения французского гражданства. Чиновники делают это заключение, в частности, на основании ношения соискательницей хиджаба (Hajjat 2010).

Довольно распространенным является мнение, что тема хиджабов очень политизирована, превращена по сути дела в «политическое предприятие» (Lorcerie 2004; Lorcerie 2008). Ряд ее аспектов, как считают исследователи (преимущественно левых убеждений), искусственно созданы политиками, преследующими свои цели. Именно так считают авторы коллективной монографии «Политизация вуали» (Lorcerie 2005), которые поднимают следующие вопросы: действительно ли девушки в хиджабах являются противницами республиканских принципов, создают ли они серьезные проблемы в школе, или кто-то манипулирует этим в своих политических целях? Кто заинтересован в нагнетании подозрений, страхов, которые внушаются обществу хорошо организованной медийной и политической кампанией? Несмотря на то, что ряд ассоциаций — по защите секуляризма, церковь, руководители народного образования, большинство профсоюзов, а также исламские организации — пытаются противостоять политизации этого вопроса, заинтересованные в этом силы существуют и в самой стране, и за границей. Ряд авторов подчеркивает роль СМИ в создании образа хиджаба как символа исламской угрозы западным ценностям и западному образу жизни (Tévanian 2004; Tévanian 2005; Khiabany, Williamson 2008).

Политические аспекты французских законов, запрещающих исламские покрывала, нередко вызывают критику у иностранных ученых, которые обсуждая дискурсы секуляризма, расизма и сексуальности, подчас усматривают во французских запретах на ношение исламских покрывал нарушение принципов демократии и скрытый дискурс расизма, стремление показать несовместимость культур и оправдать дальнейшие ограничения в отношении мусульманских меньшинств (Scott 2007; Bowen 2008; Hopkins 2015).

Вопросы исламофобии, проявления «расового восприятия» хиджаба, «культурного расизма» по отношению к представителям других культур — еще одно из направлений актуальных исследований (Al-Saji 2008; Al-Saji, Dayan-Herzbrun 2017; Al-Saji 2019; Thylin 2016; Chakraborti, Zempi 2012). А. Аль-Саджи, специалист в области французской философии и идеологии постколониализма и феминизма, развивает феноменологию того, что было названо культурным расизмом. Она предлагает критический расово-феминистский анализ представлений о мусульманских женщинах в современном западном контексте, говорит о «репрессивной» — расистской и колониальной — оптике видения европейцами мусульманских женщин и их одеяний, необходимости освобождения от этой точки зрения и «видения по-другому» (Al-Saji 2008; Al-Saji 2019; Al-Saji, Dayan-Herzbrun 2017).

В негативном отношении к хиджабу некоторые исследователи видят новую форму французского национализма, который, в частности, устанавливает нормы («сексуальных границ»), неприемлемые для мусульман (Billaud, Castro 2013). Принудительность политики снятия женских покрывал рассматривается в этой оптике как несправедливая и противоречащая принципу свободы вероисповедания,

умалюющая достоинство женщин, добровольно выбравших такую одежду (*Cohen-Almagor 2021: 15–16*).

Представляют интерес исследования исторического контекста бытования хиджабов и покрывал, во многих из них ставится акцент на периоде французской колонизации Северной Африки, когда отказ арабских женщин снять чадру стал символом сопротивления колонизации, а хиджаб — одним из символов ислама (*Aboudrar 2014; Galembert 2009*). В многочисленных исследованиях обсуждалась риторика «снятия чадры», «раскрытия» женщин-мусульманок с целью их избавления от угнетения (*Abu-Lughod 2002; Mahmood 2001; Zempi, Chakraborti 2014; Scott 2007*). Л. Абу-Лугод развивает концепцию виктимизации женщин «в покрывалах» и ее использование для оправдания интервенции США в Афганистане. С. Махмуд считает, что западное восприятие женщин «в покрывалах» как жертв патриархальных отношений часто включает в себя отрицание субъектности женщин, которые воспринимаются как неспособные самостоятельно выразить свое отношение к платку (*Mahmood 2001*). Чакраборти и И. Земпи (*Chakraborti, Zempi 2012; Zempi, Chakraborti 2014*) оценивают женские покрывала как видимый маркер мусульманской идентичности, из которого был создан символ исламской угрозы для демократии во Франции и других европейских странах, а после 11 сентября 2001 г. распространилось их восприятие как символа исламистского экстремизма и гендерного неравенства.

Еще одним направлением исследований является изучение ситуации во французских школах, где педагоги и исследователи фиксируют серьезный кризис светских ценностей. Они говорят, с одной стороны, о необходимости борьбы с предрассудками, с другой, — о необходимости утверждения фундаментального республиканского принципа лаицизма через изучение основ политической философии (прав человека и демократического плюрализма), этики, права. Как и большинство ценностей, идеал светскости не является самоочевидным, принципы светскости воспитываются, как и другие принципы республиканизма (*Costa-Lascoux, Auduc 2006: 15; Cahon 2019*).

Антропологический ракурс исследований представлен изучением ношения хиджаба как выражения собственной идентичности и отношением к модели французской интеграции (*Tersigni 2003*). Интересны также работы по гендерным проблемам исламофобии и виктимизации мусульманских женщин, телесности и сексуальности, символики закрытия женского тела (*Chakraborti, Zempi 2012; Bourdieu 2001*), а также гендерным аспектам национализма (*Yuval-Davis 1993; Yuval-Davis 1997; Mayer 2000*). В работе Ж. Тилен (*Thylin 2017*) говорится о роли запрета буркини в создании символических границ между немусульманами и мусульманами во Франции. В ряде исследований появляется и другой ракурс — запреты и ограничение ношения мусульманских платков рассматриваются как способ контроля над женским телом. Так, например, А. Рамíнез (*Ramínez 2015*) считает, что принуждение к тому или иному поведению в одежде (будь то настаивание на ношении покрывал в мусульманских странах или ограничения на это в немусульманских) по сути дела родственны — в обоих случаях речь идет именно о контроле.

Учитывая довольно большой спектр уже осуществленных исследований, в данной работе ставится цель понять, почему ношение исламских покрывал получило во Франции столь большой общественный резонанс, чем объясняется такая «сфокусированность» общества на этой проблеме, чем были вызваны весьма строгие законодательные меры в их отношении? Что символизирует хиджаб для мусульманского

сообщества, для женщин, которые его носят, какие чувства вызывает он у французов, не принадлежащих к мусульманскому сообществу?

Основными методами изучения данного вопроса послужили анализ современной научной литературы, сбор эмпирического материала из французских СМИ и ряда интернет-сайтов, включая анализ новостных статей и блогов, анализ читательских мнений и дискуссий, сопровождающих информацию по проблемам хиджаба, а также некоторые собственные наблюдения в стране.

Общественно-политические дискуссии о хиджабах

Тема хиджабов и других мусульманских покрывал начинает постоянно звучать во французской социально-политической полемике с 1980-х гг., когда в школах и на улицах страны стали все чаще появляться девушки в хиджабах. К этому времени мусульманская община в стране значительно увеличилась, заметным стал рост так называемого «коммунитаризма» — т. е. обособления этнически определенных сообществ, которые по сути дела отказываются от интеграции, ставя групповые приоритеты выше общенациональных. На фоне растущего внимания к политическому исламу во всем мире, религия стала занимать все большее место и в жизни иммигрантских диаспор Франции (Conan 2013).

Реисламизация, или процесс актуализации религии среди второго и третьего поколения мигрантов, привела к требованию ряда религиозных прав, а также стремлению к пересмотру французского секуляризма, точнее говоря, той формы принципа светскости, который в ходе больших общественно-политических баталий более чем 200 лет утверждался в стране. Важным фактором стал также рост террористических атак, число которых в последние два десятилетия среди всех западных стран во Франции является самым большим (Любарт 2021), что говорит об остроте социальных проблем, связанных в том числе с жизнью населения мигрантского происхождения, и росте радикализации.

В повседневной жизни тенденции реисламизации проявлялись, например, в продвижении пищевых запретов, ношении исламской одежды, увеличении числа участников уличных молитв, и т. д. Эти и другие явления вызывают настороженность у многих французов, для которых принцип светскости является значимым. В частности, не раз возникали напряженные ситуации в школах, где один за другим случались казусы недопущения девушек в хиджабах к занятиям. Замечу, что большинство учителей в школах негативно относится не только к приходу в учебные заведения учениц в платках, но и к появлению на территории школ матерей учеников в хиджабах. Подтверждений такого настроения педагогов немало, судя по их публикациям и выступлениям, некоторым моим личным наблюдениям. Важным является и то обстоятельство, что именно школы некогда были ареной борьбы за секуляризм против засилия католических конгрегаций, что привело к принятию закона 1905 г. об отделении церкви от государства; в школьном образовании существует традиция серьезного отношения к принципу светскости как одного из основных столпов гражданского воспитания.

Упомянутый выше случай с ученицами в лицее Крей в 1989 г., которых за ношение хиджаба не допускали к занятиям, положил начало так называемому «делу о платках» (l'affaire du voile), которое, обрстая все новыми эпизодами, получило

широкий резонанс в обществе. Вслед за этим случаем последовали и другие, в том числе весьма громкий «случай в яслях Baby Loup», сопровождавшийся судебными спорами о праве ношения хиджабов в течение 2010–2014 гг. Эти разбирательства широко освещались массмедиа. Директора школ, встревоженные растущим числом учениц, носящих хиджаб, обратились к властям в поисках решения. Вопрос был рассмотрен на заседании Государственного совета Республики, который в ноябре 1989 г. постановил, что ношение хиджаба, как и любого другого религиозного символа, не может быть запрещено раз и навсегда, но только в зависимости от обстоятельств. Последовало разъяснение министра образования Л. Жоспена, что принятие решения, насколько демонстративен тот или иной религиозный знак, в каждом конкретном случае лежит на педагогах.

В сентябре 1994 г. правительство издало указ («Памятка Франсуа Байру»), в котором определялось, какие религиозные символы можно и какие нельзя носить в школе, хиджаб был отнесен к последним. В указе говорилось, что мусульманский платок представляет собой форму коммуитаризма, несовместимую с республиканской ценностью (гендерного) равенства и единства нации (*Billaud, Castro* 2013: 82–83). Но и этот документ не решил вопроса. Протесты учениц, отстаивающих право на ношение хиджабов в разных учебных заведениях страны, продолжались. К 2003 г. счет исключенных учениц доходил до сотни, при этом многие случаи были оспорены в судах и признаны недействительными (*Сафран* 2011: 76).

Между тем напряжение в обществе в связи с «делом о хиджабах» нарастало: с одной стороны, представителями гражданского общества в разных городах создавались комитеты по защите Республики, по защите принципа светскости, подавались петиции с требованием запрета хиджабов, вербовались депутаты парламента (*Galembert* 2008: 27–28), появлялись статьи разных авторов, памфлеты, эссе, обращения к Парламенту. В то же время административные суды порой отменяли запреты на хиджаб, действовали мусульманские и правозащитные организации, отстаивавшие право ношения хиджаба, появлялись апелляции к праву ЕС о свободе вероисповедания.

В контексте уже первых казусов с хиджабами указом от 19 декабря 1989 г. был создан Высший совет по интеграции (*Le Haut Conseil à la (dés)intégration*). Он получил, в частности, функцию консультации правительства по теме мусульманских платков. В апреле 2003 г. власти приняли решение, что на фотографиях документов, удостоверяющих личность, не должно быть головных уборов. Подразумевались, конечно же, прежде всего хиджабы. Несмотря на разъяснения Н. Саркози на собрании Союза исламских организаций Франции, это решение вызвало недовольствие и протесты со стороны мусульманского сообщества.

3 июля 2003 г. глава государства учредил Комиссию по проведению в жизнь принципа светскости во Французской республике (*Commission de réflexion sur l'application du principe de laïcité dans la république*) во главе с Б. Стази, в работе которой важное место занял вопрос о приемлемости одного из самых заметных мусульманских символов — хиджабов. 11 декабря 2003 г. Б. Стази выступил с итоговым докладом о принципе светскости во французском государстве по итогам работы комиссии, которая выслушала выступления 140 ораторов, рассматривавших проблему ношения религиозных символов с разных позиций. (*Любарт* 2006: 252–257). В отчете комиссии подчеркивалась настоятельная не-

обходимость защиты девушек из иммигрантских пригородов от предполагаемого возрождения сексизма, давления и различных форм словесного, психологического и физического насилия, принуждения носить закрытую и асексуальную одежду, опускать взгляд перед мужчинами, и т. д. В этих обстоятельствах некоторые девушки и женщины носят платок/покрывало добровольно, а другие надевают его из-за принуждения или давления. Так обстоит дело прежде всего с девочками предпоздкового возраста, которым навязывают платок, иногда с применением насилия. Молодые девушки, только надев хиджаб, могут ходить в своем квартале и ездить в общественном транспорте, не опасаясь освистывания или плохого обращения, как это было, когда они отваживались ходить с непокрытой головой. Но несмотря на то, что в Отчете комиссии упоминалось, что женщины, не носящие покрывал в «иммигрантских кварталах» воспринимаются как «непристойные» и «неверные», акцент был сделан не на защите прав, которые должно было бы предоставить женщинам государство, а на противопоставлении фигуры жертвы-мусульманки фигуре ее мужчины, «женоненавистнику-угнетателю» (*Billaud, Castro 2013: 89, 83*).

17 декабря 2003 г. президент Жак Ширак обратился к стране с речью о светскости как основополагающем принципе Республики, важной частью которой был вопрос о положении женщин (*Chirac 2003*). Он высказался также за принятие «Кодекса светскости», который включал бы в себя все принципы и правила поведения по этому вопросу и вручался бы всем служащим при вступлении их в должность. Было принято решение создать Наблюдательный комитет по вопросам светскости при премьер-министре, который бы реагировал на любую угрозу отклонения от этого важнейшего для государства принципа.

В 2004 г. французский парламент принял «Закон о религиозных символах во французских государственных школах». В нем, в частности, говорилось, что «в государственных школах, колледжах и старших классах запрещается ношение знаков или одежды, с помощью которых учащиеся демонстрируют свою религиозную принадлежность» (*LOI 2004*). Закон запрещает ношение любых «показных» религиозных символов, включая исламское покрывало (платок), еврейскую кипу, большие христианские кресты, и т. п., но разрешает «сдержанные» знаки веры, такие как маленькие кресты, звезды Давида и амулеты. Действие закона распространяется только на государственные учебные заведения.

Почти сразу после принятия закона последовала реакция мусульманских женщин, которые на местном уровне начали заявлять о своем праве на ношение хиджабов, но эти выступления изначально не получили большой поддержки. В общественном мнении доминировало отрицательное отношение к хиджабу. Речи в его защиту звучали только со стороны отдельных интеллектуалов и религиозных деятелей, не представленных на каком-либо официальном уровне, а также (нечасто) со стороны обычных граждан (*Galembert 2009: 25–26*).

Несмотря на существование ряда влиятельных мусульманских организаций (в т. ч. Парижской мечети), в стране отсутствовал единый признанный орган, способный выразить общую позицию по этому вопросу. К тому же и среди мусульман, которые во Франции придерживаются разных версий ислама — от близких к фундаментализму до вполне светских, — нет единого мнения по поводу того, является ли ношение хиджаба канонически обязательным. Часть мусульман настроена

на большую интеграцию во французское общество, она представлена основанными в 2003 г. организациями (“Convention laïque pour l’égalité des droits et la participation des musulmans de France”, “Conseil français des musulmans laïques”) и др. Одна из самых влиятельных организаций — «Союз исламских организаций Франции» («Union des organisations islamiques de France» — UOIF) заняла по этому вопросу позицию, близкую к позиции официальных властей. UOIF находится в контакте с МВД страны, часто предостерегает мусульман от участия в демонстрациях и других протестных действиях. Более решительно в поддержку хиджабов занимает М. Латреш, основатель Мусульманской партии Франции, возглавлявший уличные протесты мусульман после принятия закона 2004 г. (Galembert 2009: 42).

Право мусульманок на ношение хиджаба было поддержано другими движениями, в его защиту выступили деятели феминизма (К. Дельфи), бывшие члены движения беров (С. Буамама), активисты антирасистских общественных движений (MRAP), защиты прав человека (LDH), гомосексуалистов (Act Up), путан (Femmes publiques), движения молодых коммунистов (Red) и т. д. В дискуссию об уместности ношения хиджабов в общественном пространстве включилась влиятельная правозащитная организация HALDE (Haute Autorité de lutte contre les discriminations et pour l’égalité), которая в 2007 г. обратилась с призывом к высшему руководству страны определить подход к ношению хиджабов, не допустить дискриминацию по религиозному принципу, нарушение свободы вероисповедания. Призыв внести определенность был обращен также к министру образования, к школьным советам, которым предлагалось внести соответствующие изменения в их внутренний распорядок (Délibération 2007).

Реакция на принятый закон имела большой резонанс в медийном пространстве: со стороны различных экспертов, научных работников, активистов — сторонников исламо-христианского диалога, журналистов, специализирующиеся в религиозной сфере, и т. д. (Galembert 2009: 31). Принятый во Франции закон вызвал протесты и за рубежом, особенно в мусульманском мире, в т. ч. молодых феминисток Магриба и т. д.

Кроме того, Закон о хиджабах положил начало обсуждению целого ряда мелких и частных случаев, которые ограничивают видимое присутствие мусульман в общественных местах и часто действуют раздражающе на людей этой веры. Например, матерям в платках запрещено сопровождать школьные группы на прогулках и экскурсиях, нежелательно их присутствие в школе и на ее территории. Вызывает вопросы появление женщин в хиджабах (сопровождающих, добровольцев) в медицинских и спортивных учреждениях. Затруднено присутствие женщин в платках в некоторых государственных учреждениях, их вход в мэрию, например, чтобы присутствовать на бракосочетании, и т. п.

В июле 2008 года Министерство иммиграции отказало в приобретении французского гражданства вступившей в брак с французом гражданке Марокко, носящей никаб, на том основании, что ношение покрывала является показателем «неспособности к ассимиляции», которая предусмотрена ст. 21–4 Закона о гражданстве, а Государственный совет, после апелляции к нему, оставил это решение в силе.

Этот частный случай породил новую волну дискуссий в массмедиа, не раз поднимался он и в парламенте. Представитель коммунистов, инициатор создания парламентской комиссии по изучению практики ношения никаба («voile intégral»),

А. Жерен (A. Gerin) назвал этот покров «ходячим гробом», комиссия предложила ограничить его ношение в общественных местах. Предложение было поддержано 58 депутатами, в т. ч. партией Саркози, а также движениями в защиту прав женщин, например, «Ni Putes, Ni Soumises». Его поддержал и глава Главной мечети Парижа Д. Бубакер, обративший все-таки внимание на то, что депутаты должны учесть и мнение экспертов в области ислама. Впрочем, большинство из них считают, что ислам не обязывает женщину носить полностью скрывающее ее покрывало, оставляя это решение за ней самой (Инфо-ислам 2009).

Немалый резонанс в обществе получило мнение Э. Бадинтер, известного философа и активистки республиканского феминизма, сторонницы запрета хиджабов в школе. Она выступила с объяснением серьезных последствий распространения ношения никабов в общественных местах, считая, что сокрытие лица противоречит смыслу западной цивилизации, которая ценит личность, заявив, что никаб является препятствием во взаимодействии между равными гражданами. Открытое лицо при общении является, на ее взгляд, обязательным условием соблюдения республиканского принципа «Свобода, равенство, братство»: «В возможности быть незамеченным и смотреть на другого так, чтобы он/она не мог видеть вас, я вижу удовлетворение тройного извращенного наслаждения: наслаждение своим превосходством над другим, наслаждение эксгибиционизмом, и удовольствие от вуайеризма» (Gerin, Raoult 2010).

В сентябре 2010 г. был принят «Закон о запрете сокрытия лица в публичных местах», под действие которого попадают разные виды скрывающей лицо одежды, в том числе никаб, бурка и др. одеяния, скрывающие все тело и лицо (LOI 2010). Участники поднявшейся дискуссии вновь разделились на сторонников запрета «полных покрывал» и его противников. Первые считали, что принуждение женщин к ношению такой одежды является проявлением сексизма, что мусульмане должны принять общественные нормы Французской республики. Вторые, противники запрета, настаивают, что он является нарушением личных свобод — свободы вероисповедания, свободы решения индивида о выборе одежды. Наконец, закон является дискриминационным по отношению к мусульманам, соблюдающим норму ислама о закрытии лица.

В 2011 г. правительство распространило запрет на любое закрытие лица в общественных местах. Конституционность этого закона многим показалась сомнительной, объяснение Конституционного совета оказалось близким к высказанному Э. Бадинтер — закрытие лица препятствует реальному общению, которое лежит в основе французской гражданской жизни (Bowen 2015).

Дальнейшее развитие вопроса о хиджабах последовало в июле 2013 г., когда была принята «Хартия светскости», утвержденная Циркуляром Министра национального образования Франции (n° 2013–144 от 06.09.2013 г.) как обязательная к исполнению в государственных школах. Руководство школ обязывалось разместить текст Хартии в помещении учебного заведения и довести его до сведения учащихся и их родителей. Этот документ, основанный на Конституции страны, Декларации прав человека, законе об отделении церкви от государства от 1905 г., разъясняет запрет на ношение хиджабов в школе и подчеркивает роль школы в воспитании светских республиканских ценностей. С 2015 г. в школьное обучение были введены уроки светской морали.

В 2016 г. на фоне сильнейших террористических атак 2015–2016 гг. в Париже и других французских городах, возник вопрос еще об одном элементе мусульманского одеяния — буркини — специальном купальном костюме, который был разработан австралийским дизайнером А. Занетти в 2004 г. в соответствии с исламским кодексом одежды. Но при поднявшейся волне терроризма буркини стал восприниматься обществом как пляжная одежда, демонстративно подчеркивающая религиозную принадлежность, «настолько провокационная и оскорбительная, что ее пришлось убрать с некоторых французских пляжей летом 2016 г.» (Thylin 2017: 2). Власти приморских городов юга страны сочли буркини признаком притязаний мусульманской общины на политический ислам, увидели в буркини провокацию, риск столкновений. В ряде городов (около 30 муниципалитетах) были выпущены указы о запрете буркини на пляжах под угрозой судебного разбирательства и штрафа (в 38 евро). Негативным в целом оказалось и общественное мнение. По опросу Французского института изучения общественного мнения (IFOP), проводившийся 22–24 августа 2016 г. 64% французов высказались против, 6% «за» и 30% безразлично относятся к буркини на французских пляжах (Ifor 2016).

В конце августа 2016 г. запреты мэров городов были приостановлены Государственным советом, усмотревшим в них нарушение прав человека. Развернулась дискуссия, в которой приняли участие самые видные политики страны. Глава правительства социалист М. Валльс заявил, что ношение буркини «является воплощением политического проекта контр общества, основанного, в частности, на порабощении женщин», т. к. за буркини «стоит идея, что женщины по своей природе нескромны, нечисты, поэтому они должны быть полностью покрыты. Это несовместимо с ценностями Франции и республики». Но при этом он уточнил, что не считает возможным принимать законы, регулирующие предписания в отношении одежды, тем более на общенациональном уровне. Он призвал авторитеты ислама во Франции также высказаться по этому вопросу, надеясь, что они осудят ношение одежды, создающие условия для конфронтации (Le Figaro 2016). Л. Россиньоль, министр по правам женщин, также выступила против буркини, назвав их политическим проектом фундаменталистского ислама: за «этой одеждой стоит глубоко архаичное видение места женщины в обществе и, следовательно, отношений между мужчиной и женщиной» (цит. по: Gerard 2016).

Эту позицию — осуждения практики ношения буркини — поддержали и другие видные представители левых — министр образования Н. Валло-Белкасем и министр социальных вопросов и здравоохранения М. Турен, а также Ж. Ширак, Ж.-П. Шевенман, некоторые представители «зеленых», и другие. Однако при всем негативном отношении к хиджабам и буркини, для левых в общем характерна позиция *полного следования* принципу светскости как свободы любого вероисповедания, т. е., они возражают *против введения таких запретов*.

Противники запретов, в том числе исследователи, журналисты, деятели культуры, обращают внимание на нелогичность и недемократичность такой политики, указывая на то, что культурные нормы, в том числе в одежде, относительно и меняются во времени. Столетие назад обнажение женских тел на европейских пляжах осуждалось, и даже облагалось штрафом. Сегодня нормы изменились, и власти наказывают за излишнее прикрытие тела. Таким образом, государство стремится контролиро-

вать женское тело посредством регламентации одежды (Thylin 2017: 25), что говорит о лицемерии в отношении к этому вопросу и его излишней политизации.

Кроме того, антропологи напоминают, что женщины часто символизируют национальную и коллективную «честь» (Yuval-Davis 1993: 627), акт раздевания женщин в некоторых культурах рассматривается как символический. Снятие одежды, ассоциирующийся в исламе со скромностью, может расцениваться как «способ не только унижить мусульманских женщин, но и все мусульманское сообщество» (Thylin 2017: 26).

Противниками ношения скрывающих одеяний являются и правые, но для них больше характерна позиция *одобрения запретов*. Политики правого спектра, такие как Мари Ле Пен (лидер партии «Национальное объединение») и Саркози (лидер республиканцев), выступали за принятие национального законодательства против буркини и за полный запрет на ношение женских покрывал в общественных местах. Самой жесткой позиции — требования запрета всех мусульманских женских покрывал — М. Ле Пен придерживается и сейчас, в ходе предвыборной кампании 2022 г. (Lutaud 2022).

Среди разных групп феминистского движения (республиканских феминисток, арабских и др.) и ряда близких к ним правозащитных организаций, эти виды одежды расцениваются в целом как символ подчинения женщины мужчине. Осуждая его, они говорят о том, что разрешение ношения хиджаба в школах и других общественных местах может открыть дверь другим мусульманским религиозным практикам и обычаям, и это будет означать деградацию демократии. Согласно мнению некоторых феминисток, ношение хиджаба — не свободный выбор, а результат социального давления (т. е., если закон не запрещает ношение хиджаба, социальное давление может сделать его обязательным). Политик, член социалистической партии, защитница прав женщин из бедных кварталов Фадела Амара (организация «Ni Putes Ni Soumises»), Государственный секретарь, отвечающий за городскую политику, считает мусульманские покрывала «политической одеждой»: «за ношением паранджи, никаба и даже хиджаба всегда стоит политический проект, ратующий сначала за гендерное неравенство и стирание женщин как политической сущности, затем стирание мужчин и, наконец, стирание демократии», по ее мнению, ношение хиджаба — это не традиция, а архаика (Amara 2009).

Группа девушек в хиджабах возле Эйфелевой башни. Париж, 2016 г.
Фото М. К. Любарт.

Но существуют и другие направления феминизма, представленные в первую очередь выходцами из арабской среды, которые в негативном взгляде на хиджаб видят последствия колониализма, дискриминацию по отношению к представителям мусульманской культуры, нарушение *прав женщин* в свободе выражения своего мнения, выбора одежды, попрание их религиозных прав. И считают, что мусульманские женщины имеют право сами решать, носить ли им хиджабы. Так, например, группа «Les Blédardes» рассматривает полемику по поводу чадры именно как проявление *колониалистских* настроений.

В 2019 г. в стране прокатилась еще одна волна дискуссий по поводу хиджабов, на сей раз спортивных. В феврале крупнейший спортивный магазин страны «Decathlon» объявил о намерении приступить к продаже специальных хиджабов для занятий бегом, разработанных в Марокко. По образному выражению журналистов, начался «пожар в социальных сетях» и волна ажиотажа в СМИ. После 48 часов настоящего «огня» в интернет-пространстве, твиттосфере и других СМИ «Decathlon» заявил об отказе продавать спортивные хиджабы (*Decathlon 2019*).

Хиджаб в городском пространстве. Восприятие хиджаба

Женщины в хиджабах, не говоря уже про более закрытые варианты покрывал, весьма выделяются в городском пространстве Франции, где их можно увидеть на улицах, в магазинах, на рынках, в метро, парках, других общественных местах и учреждениях. Хиджаб, как и другая закрытая не по сезону мусульманская одежда в целом, контрастирует со стилем французской городской одежды.

Как воспринимаются женщины в хиджабах в городском пространстве, какие чувства вызывает хиджаб у французов, того большинства, которое называется в стране «франко-французами»? Понятно, что для многих из них хиджаб является одним из самых видимых и значимых символов ислама, патриархата, неравенства женщин, их пассивности, а иногда и исламистской приверженности, может рассматриваться как символ отхода от идеала Франции, выраженного в лозунге «Свобода, равенство, братство», отказа от пути развития и прогресса.

Как велика роль эмоций по отношению к хиджабу в повседневной жизни, говорят такие факты как неафишируемая дискриминация при приеме на работу и найме жилья, что стало уже притчей во языцех, как упоминавшиеся решения местных администраций в вопросах о гражданстве, которые продолжают основываться на субъективных оценках, и др. Сам вопрос чиновников и государственных служащих, обращенный к женщине почти в любых обстоятельствах, когда они в них участвуют: «является ли ваш хиджаб религиозным?» — создает ситуацию неформальной неловкости.

На фоне тенденций реисламизации хиджаб вызывает ассоциации с терроризмом, актуализирует чувства отторжения и страхов, возросших на фоне ряда громких и кровопролитных терактов, произошедших в стране в последние десятилетия.

Символика и смыслы, которые несет в себе хиджаб, на улицах Франции весьма сильно контрастируют с городской культурой страны и, в частности, с ее культурой одежды. Франция не просто привержена моде. Культура одежды и мода во Франции являются значимой составляющей идентичности страны и осознается как часть ее культурного наследия. Стиль внешнего вида индивида, подчеркивающего достоинство и красоту человеческого облика, — важная часть культуры Франции в целом.

Идеи эмансипации женского тела, воплотившиеся в образах, созданных П. Пуаре и К. Шанель, имеет свою историю. Одежда — это также выраженное в облике высказывание определенных убеждений и взглядов, идентичности, и даже жизненной философии. Понятно, что в этих обстоятельствах мусульманская одежда и хиджаб, в частности, выделяются как выражающие другие культурные нормы и традиции или как иная гендерная норма в одежде, противоречащая французской, некое наглядное ограничение свободы.

Исследователи отмечают, что присутствие женщин в хиджабах часто вызывает чувство чужеродности: «Дисконфорт, который вызывают мусульманские женщины в хиджабах или, реже, в парандже, объясняется именно традиционалистскими коннотациями французской идентичности» (Сафран 2011: 76). Замечено также, что «женщины-мусульманки, носящие покрывало, подвергаются повышенному риску стать жертвой исламофобии. Распространенное представление о том, что женщины-мусульманки, покрытые чадрой, пассивны, угнетены и бессильны, увеличивает вероятность нападения на них, тем самым делая их «легкими» мишенями для этого (Chakraborti, Zempi 2012). Мусульманки, которые носят никаб, сообщают о «тревожном уровне вербального насилия», а иногда и физического насилия: незнакомцы «плюют на них или пытаются сорвать их вуаль» (Fredette 2015).

Мой личный опыт ношения платка, несмотря на всю свою непреднамеренность, оказался для меня также весьма убедительным. Однажды в очень ветреный день в г. Бресте (на побережье Бретани) я надела на голову платок, чтобы уберечь уши. Неожиданно для себя я столкнулась с разными невербальными реакциями людей, которые сторонились меня на улице, бросали косые взгляды, выражали отношение мимикой лица и т. д., чего не случалось прежде, когда я была без платка. Поделившись впечатлениями об этом с коллегой, я услышала от нее, что это не редкость, что иногда косые взгляды могут сопровождаться еще и словесными комментариями. Замечу, что в других случаях, когда я шла по улицам в иммигрантских кварталах, и даже в центре Парижа, по дороге к Большой мечети, я, напротив, весьма остро ощутила «ненормативность» непокрытой головы. К не очень доброжелательным взглядам добавлялись еще слова и даже крики тех, кто был недоволен, что я появилась здесь без платка.

В так называемых иммигрантских кварталах на Севере и Северо-Востоке Парижа, где антураж улиц больше похож на улицы восточных городов, женщин встретишь нечасто, улица — это «мужское пространство». Чаше всего женщин в хиджабах в городе можно увидеть на рынках, ярмарках и других торговых пространствах, в этих районах, а также торговой площади недалеко от Большой мечети. Молодых женщин в хиджабах можно встретить иногда на городских спортивных соревнованиях, например, по бегу или велосипедных пробегах, где девушки в хиджабах видны среди болельщиц.

Мне доводилось также увидеть девушек в платках, вышедших на пробежку в городской парк, где по утрам для этой цели выходит немало людей. В Венсенском лесу (юго-восток Парижа) я встречала девушек в хиджабах (и при этом в юбках), которые занимались спортивным шагом либо бегом. Это не было организованным мероприятием, они занимались, скорее всего, по своей воле.

Мне довелось заметить также, что существует некоторая разница в отношении к женщинам в хиджабах разных возрастов. Более нейтральна реакция на пожилых

женщин в хиджабах, видимо в данном случае он воспринимается как часть традиционного костюма. Что касается молодых женщин, то они оказываются порой под пристальным взглядом как соплеменников, которые предъявляют к ним требования своего сообщества, так и со стороны французов, к нему не принадлежащих. Как указывает один из исследователей арабского происхождения, хиджабы на молодых настораживают и полицию как возможный знак «фундаменталистского» ислама, и вызывают тревогу у других как признак «неассимиляции» женщин, которые будут воспитывать детей вне французских республиканских ценностей (*Hajjat* 2010). Кроме того, существуют различия в отношении к цвету хиджаба. Более темные цвета, в особенности черный, часто ассоциируются с исламом, отношение к светлым тонам — более спокойное.

Заметим, что далеко не все женщины, происходящие из мусульманской среды, надевают хиджаб. Число тех, кто ассимилировался в значительной степени и принял французский образ жизни, велико. К ним принадлежат женщины, сделавшие большие карьеры, в том числе министры страны. Однако, в рамках данной работы остановим внимание на тех, кто выбирает ношение платка.

Напомним, что хиджаб в исламской культуре является символом женского достоинства, добродетели, сексуальной непорочности, скромности, респектабельности, самоуважения, благополучия, «знак уважения и стыдливости», защищающий от нескромных взглядов и вызывает положительные эмоции. Это также символ причастности «укрытой» женщины к вере и моральным нормам ислама, соблюдающей его традиции и законы, и потому находящейся под защитой своего сообщества. В этом смысле хиджаб имеет некую охранную функцию и позволяет женщине появляться в городском общественном пространстве.

Многие девушки и женщины из среды, где сильны традиционные мусульманские ценности, в особенности среди населения, имеющего миграционное происхождение (из Алжира, Туниса, Марокко, Турции), носят хиджаб, а иногда и более закрытые покрывала. Заметим, что ношение хиджаба может быть вызвано отнюдь не религиозно-культурными причинами. Оно может являться также способом защитить свою личность, стремлением отмежеваться от осуждаемого в традиционной исламской среде образа западных женщин, распространенного в кино и СМИ. Французские мусульманки могут носить хиджаб, чтобы подтвердить свою респектабельность и обрести независимость от своих семей, которые в противном случае могли бы не решиться предоставить им эту свободу.

Ношение хиджаба может быть вызвано осторожностью, в том числе, чтобы избежать насилия в бедных кварталах, где женщинам с непокрытой головой находиться на улице небезопасно, так как они могут стать мишенью общественного осуждения, домогательств, задержания со стороны патрулей исламской морали ваххабитского толка. Кроме того, ношение хиджаба может быть также индивидуальным актом, выражением отношения к модели французской интеграции, неким протестом, «поиском» своей собственной идентичности (*Tersigni* 2003: 177).

10 ноября 2019 г. на Северном вокзале Парижа произошла манифестация женщин против исламофобии. Большинство из участниц были молодыми мусульманками, хотя на фотографиях этого события видны и собственно французские женщины. Только часть протестанток были в хиджабах, причем светлых тонов. Одна женщина

в возрасте в хиджабе цветов французского триколора держала плакат «Мой хиджаб — это моя свобода».

Ну и конечно, немалую часть тех, кто носит хиджаб, составляют верующие мусульманки. Несмотря на выраженную позицию французских властей, доля семей, родителей, желающих сформировать у дочерей традиционные ценности, значительна. Об этом говорит, например, рост числа частных мусульманских школ, где хиджабы приветствуются; открытие различных предприятий, где хозяевами являются мусульмане, а сотрудники не сталкиваются с дискриминацией в сфере занятости, где часто царят традиционные порядки. Это различные магазины, рестораны, и другие учреждения, расположенные в районах с высокой концентрацией мусульман.

Несмотря на официальный запрет на дискриминацию по религиозному принципу, женщинам, носящим хиджаб, не всегда просто устроиться на работу там, где требуется непосредственное деловое взаимодействие с клиентами. Поэтому многие из тех, кто хочет носить платок, выбирают работу с «удаленным взаимодействием», например, колл-центры, или «домашние» виды работ — уход за детьми и инвалидами, фельдшерскую помощь, работу в саду, и др. На специальных мусульманских сайтах приводится список больших компаний, где разрешают работать в хиджабах (например, «H&M», «Ikea», «Action» и др.). Сайты призывают мусульманок также к поиску других решений возможности ношения хиджаба, — профессиональную переподготовку для работы в тех сферах, где это не является препятствием, например, занятость в сфере цифровых технологий, создание семейного бизнеса, совмещающего важнейшие ценности: «Пусть Аллах облегчит им жизнь, а также всем нашим сестрам, которые изо всех сил пытаются совместить работу и религию!» (Fir 2017).

Мусульманские сайты — пространства общения, где девушек наставляют в вере, укрепляют в решимости надеть и носить хиджаб, дают различные советы. Это делают и специалисты в области ислама, активные верующие, и сами девушки, вставшие на путь религиозности. Вот характерные призывы: «Вы должны быть тверды и быть мусульманкой всегда, мусульманка не перестает быть таковой, когда работает или учится, совсем наоборот» (Fir 2017); «Хиджаб нужно носить всегда», «Конечно, в нашем западном мире (например, во Франции, которая является светской страной) нужно уважать законы, но всегда помнить, что ислам не адаптируется, потому что он вечен», «Носить хиджаб — это не только покрываться, это значит соблюдать определенную линию поведения». Если в учебном заведении вы вынуждены снимать хиджаб, а после занятий его надевать, «скажите себе, что вы делаете это вынужденно, а Бог все знает», «Помните, что жизнь эфемерна, и нет никаких оправданий, чтобы не носить хиджаб», «Ношение хиджаба выковывает нас, носить его следует везде и всегда, даже в сильную жару, как это делают женщины в Сахаре. Нужно просто выбирать более легкие ткани, есть большой выбор разных — хлопок, муслин, шелк, кружево». «Нужно быть целомудренной, это главное украшение мусульманской женщины» (Neyssa le blogue 2020). Насколько чувствительным оказывается подчас невозможность носить хиджаб, говорят высказывания в дискуссиях на специальных мусульманских сайтах: «Нет ничего более душераздирающего для девушки в покрытии, чем прийти на порог школы или работы и снять хиджаб у всех на виду» (Fir 2017).

Исламское требование состоит в том, чтобы покрывать волосы и шею в сочетании с отказом от ношения обтягивающей и «сексуальной» одежды. Поэтому в ус-

ловиях запретов изобретаются различные способы, чтобы носить покрытие, не нарушая светских законов. Например, девушки надевают свитер с высоким воротом, а также бандану; или такую комбинацию шапки и шарфа/платка, которая их закрывает и в то же время не считается явно религиозным знаком.

Особенности жизни во Франции сказываются и на образе жизни французских мусульманок, и их одежде. В стране существует немало магазинов, где продается мусульманская одежда, в т. ч. и хиджабы. Как утверждается на их сайтах, мусульманское «покрывало не обязательно должно быть неприглядным и строгим» (Neysa le blogue 2020). И в самом деле, в больших городах молодые женщины-мусульманки, соблюдая определенный кодекс, часто отказываются от сплошной закрытой одежды, отдавая дань моде и эстетизму в одежде, несмотря на то, что это и вызывает противодействие со стороны некоторых мусульманских течений.

Большой выбор не только хиджабов разных цветов, но и другой мусульманской одежды и аксессуаров предлагают специальные интернет-магазины, которые сопровождают свои каталоги рекомендациями по ношению хиджабов. Один из них, например, интернет-магазин «Neysa shop» уже много лет предлагает «широкий ассортимент скромной современной одежды, адаптированной ко всем вкусам мусульманок», начиная от повседневной и практичной, кончая праздничной и изысканной. Учитываются даже потребности спортсменок и кормящих мам. Красивы коллекции хиджабов магазина «Фрипик», где представлены по большей части хиджабы светлых тонов, в том числе розовых, бежевых, голубых и т. д., хиджабы повседневные и «люкс-стиля». В статьях на сайте рассказывается о разных способах повязывания хиджаба и драпировки головных покрывал, о прическах и укладывании волос под хиджаб (Freepik).

Можно говорить о том, что во Франции существует направление мусульманской моды, в которой важной деталью является хиджаб.

Заключение

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что культурно-религиозная и идеологическая семантика хиджаба во французском обществе далеко неоднозначна. Палитра чувств по отношению к хиджабу в обществе весьма широка — от его неодобрения и безразличия до высокой одобряемости.

Хиджаб как бы находится на границе социальных норм разных пространств: он является нормативным в мусульманском традиционном сообществе и видится как маргинальность в другой части общества. В этом смысле хиджаб можно считать символом несовпадения двух систем важных моральных и общественно-политических ценностей.

Неслучайно тема хиджабов и других мусульманских одеяний продолжает оставаться остро полемичной и входит сразу в несколько общественно-политических дискурсов, относящихся к основополагающим принципам французской демократии: светскости и свободы воли; права на свободу выражения мнения и выбора одежды; гендерного равенства; принципа единства нации и недопущения коммунитаризма; дискурса дискриминации и «культурного расизма», и т. д. Возобновление и острота этих дискуссий объясняется также юридической неопределенностью понятия «светскости» («лаицизма») в современной Франции. И, как мне видится, разногласия по-

литических сил, пришедших в столкновение по этому вопросу, столь принципиальны, что найти консенсус в этой сфере пока весьма сложно.

Более того, ряд социальных явлений и характер дискуссий говорят о том, что общественная эволюция развивается не столько в сторону «строгой» светскости, сколько в направлении поиска места религии в общественном пространстве, формирования новой, более сложной картины идентичностей, которая отражает изменения, происходящие во французском обществе.

Источники и материалы

- Инфо-ислам 2009 — Депутаты французского парламента начали кампанию против никаба // Инфо-ислам: [сайт]. http://www.info-islam.ru/publ/novosti/mir/deputaty_francuzskogo_parlamenta_nachali_kampaniju_protiv_nikaba/3-1-0-2581/ Дата публикации: 19.06.2009.
- Al-Saji* 2019 — *Al-Saji A.* Why we should stop fixating on what Muslim women wear // *New Statesman*. 2019. February 4.
- Amara* 2009 — Fadela Amara: “Ni voile ni burqa!” (Neither veil nor burqa!) // *Elle*: [сайт]. <https://www.elle.fr/Societe/Les-enquetes/Fadela-Amara-Ni-voile-ni-burqa-950360/> Дата публикации: 4 septembre 2009.
- Bowen* 2015 — *Bowen J.* France after Charlie Hebdo // *Boston review*. 24.02.2015. <https://www.bostonreview.net/forum/john-bowen-france-after-charlie-hebdo/> Дата публикации: 24.02.2015).
- Chirac* 2003— Discours de M. Jacques Chirac, Président de la République, sur le respect du principe de laïcité dans la République, Paris le 17 décembre 2003. <https://www.elysee.fr/jacques-chirac/2003/12/17/discours-de-m-jacques-chirac-president-de-la-republique-sur-le-respect-du-principe-de-laicite-dans-la-republique-paris-le-17-decembre-2003> Дата публикации: 17.12.2003.
- Conan* 2013 — *Conan E.* L’intégration à l’épreuve de l’Islam // *Marianne.net*. [сайт]. <https://www.marianne.net/societe/lintegration-lepreuve-de-lislam> Дата публикации: 02.11.2013.
- Decathlon* 2019 — *Decathlon (@Decathlon)* 26 février 2019. [Электронный ресурс]. DECATHLON | Magasin de Sport
- Делиберация 2007 — Делиберация No. 2007–117 du 14 mai 2007 relative à l’exclusion de mères d’élèves de la participation à des activités éducatives et/ou de l’encadrement de sorties scolaires en raison du port du foulard. [Электронный ресурс]. https://juridique.defenseurdesdroits.fr/index.php?lvl=notice_display&id=1068 (дата обращения: 04.10.2022).
- Fir M.* Le Hijab en France. // *Ajib*: [сайт]. <https://www.ajib.fr/> Дата публикации: 3 FÉVRIER 2017.
- Freepik* — *Freepik*: [сайт]. https://fr.freepik.com/photos-premium/femme-musulmane-mode-portant-hijab-lunettes-soleil_10900865.htm (дата обращения: 04.10.2022).
- Gerard* 2016 — *Gerard A.* Prohibition of Burkini: Rossignol, “proceed amalgam is never useful”. *Le Parisien*: [сайт]. <https://www.leparisien.fr/politique/proceder-par-amalgame-n-est-jamais-utile-16-08-2016-6043833.php> Дата публикации: 16.08.2016.
- Gerin, Raoult* 2010 — *Gerin A., Raoult E.* Au nom de la mission d’information sur la pratique du port du voile intégral sur le territoire national. Rapport d’information, Assemblée Nationale, le 26 janvier 2010.
- Ifop* 2016 — Sondage “Les Français et le port du burkini” // *Ifop*: [сайт]. <https://www.ifop.com/publication/les-francais-et-le-port-du-burkini/> Дата публикации: 25.08.2016.
- Ifop* 2019 — Sondage “Les musulmans en France, 30 ans après l’affaire des foulards de Creil” // *Ifop*: [сайт]. <https://www.ifop.com/publication/les-musulmans-en-france-30-ans-apres-laffaire-des-foulards-de-creil/> Дата публикации: 23.09.2019.

- Le Figaro 2016 — Manuel Valls soutient les maires qui interdisent le burkini // Le Figaro: [сайт]. <https://www.lefigaro.fr/politique/2016/08/17/01002-20160817ARTFIG00045-manuel-valls-soutient-les-maires-qui-interdisent-le-burkini.php> Дата публикации: 17.08.2016.
- LOI 2004 — LOI No. 2004–228 du 15 mars 2004 Encadrant, en application du principe de laïcité, le port de signes ou de tenues manifestant une appartenance religieuse dans les écoles, collèges et lycées publics // Journal officiel de la République française. No. 65 du 17 mars 2004.
- LOI 2010 — LOI No. 2010–1192 du 11 octobre 2010 Interdisant la dissimulation du visage dans l'espace public // Journal officiel de la République française. No. 0237 du 12 octobre 2010.
- Lutaud 2022 — Lutaud B. Présidentielle 2022: Marine Le Pen peut-elle interdire le port du voile islamique dans l'espace public? // Le Figaro: [сайт]. <https://www.lefigaro.fr/elections/presidentielles/presidentielle-2022-marine-le-pen-peut-elle-interdire-le-port-du-voile-islamique-dans-l-espace-public-20220414> Дата публикации: 14.04.2022.
- Neyssa le blogue 2020 — Le Hijab // Neyssa le blogue: [Электронный ресурс]. <https://neyssa-shop.com/blog/le-hijab-3/> Дата публикации: 30.06.2020.

Научная литература

- Любарт М. К. Факторы и триггеры современного терроризма. Размышления на примере событий во Франции // Цивилизация и варварство. Вып. X. М.: ИВИ РАН, 2021. С. 79–102.
- Любарт М. К. Арабы-мигранты в современной Франции // Меняющаяся Европа. Проблемы этнокультурного взаимодействия / отв. ред. М. Ю. Мартынова. М.: ИЭА РАН, 2006. С. 234–260.
- Сафран У. Национальная идентичность во Франции, Германии и США: современные споры // Политическая наука. 2011. № 1. С. 64–97.
- Шахов М. О. К вопросу о правовом соотношении принципа светскости государства и принципа отделения от него религиозных объединений в современной Франции — Текст: электронный // Религия и право: электронный журнал. http://www.sclj.ru/news/detail.php?SECTION_ID=389&ELEMENT_ID=5702 Дата публикации: 24.03.2014.
- Abouddrar N. B. Comment le voile est devenu musulman. Paris: Flammarion, 2014. 256 p.
- Abu-Lughod L. Do muslim women really need saving? Anthropological reflections on cultural relativism and its others // American Anthropologist. 2002. No. 104 (3). Pp. 783–790.
- Al-Saji A. Voiles racialisés: la femme musulmane dans les imaginaires occidentaux // Les ateliers de l'éthique. 2008. Vol. 3. No. 3. Pp. 39–55.
- Al-Saji A., Dayan-Herzbrun S. Hésiter et interrompre la vision racialisante. Bergson, Merleau-Ponty, Fanon // Tumultes. 2017. Vol. 48. No. 1. Pp. 51–70.
- Baubérot J. La laïcité falsifiée. Paris, Éditions La Découverte, coll. «Cahiers libres», 2012 (reissued 2014). 216 p.
- Baubérot J. *Les 7 laïcités françaises*. Paris, Maison des Sciences de l'Homme, coll. «Interventions», 2015. 176 p.
- Baubérot J., Bouzar D., Costa-Lascoux J., Houziaux A. Le voile que cache-t-il? Paris: Les Editions Ouvrières, 2004. 119 p.
- Baubérot J., Milot M., Portier Ph. (dir.) *Laïcité, laïcités. Reconfigurations et nouveaux défis*. Paris, Maison des Sciences de l'Homme, coll. «54», 2015. 397 p.
- Billaud J., Castro J. Whores and Niquabées: The Sexual Boundaries of French Nationalism // French Politics. Culture and Society. 2013. No. 31 (2). Pp. 81–101.
- Bourdieu P. *Masculine Domination*. Stanford Univ. Press, 2001. 133 p.
- Bowen R. John. *Why the French Don't Like Headscarves: Islam, the State, and Public Space*. Princeton: Princeton Univ. Press, 2008. 304 p.
- Cahon J. Laïcité et signes religieux à l'école: quelle histoire! 1882–2019 // Cahiers pédagogiques: [сайт]. <http://www.Cahiers-pedagogiques.com> Дата публикации: le 9 décembre 2019.

- Chakraborti N., Zempi I.* The veil under attack: Gendered dimensions of Islamophobic victimization // *International Review of Victimology*. 2012. No. 18 (3). Pp. 269–283.
- Cohen-Almagor R.* Indivisibilité, Sécurité, Laïcité: the French ban on the burqa and the niqab // *French Politics*. 2021. n. pag. Web. DOI: <https://doi.org/10.1057/s41253-021-00164-8>
- Cohen-Almagor R.* The Republic, Secularism and Security: France versus the Burqa and the Niqab. Univ. of Hull, 2022. 63 p.
- Costa-Lascoux J., Auduc J.-L.* La laïcité à l'école. Un principe, une éthique, une pédagogie. Champigny-sur-Marne, iufm et crdp de l'académie de Créteil, 2006. 176 p.
- Entwistle J.* The Dressed Body // Entwistle, J., Wilson, E (Eds.). *Body Dressing*. Oxford: Berg Publishers. 2001. Pp. 33–58.
- Ferhat I.* (éd.) Les foulards de la discord: Retours sur l'affaire de Creil, 1989. Paris: De L'Aube, 2019. 168 p.
- Fredette J.* Examining the French Hijab and Burqa Bans through Reflexive Cultural Judgment // *New Political Science*. 2015. No. 37 (1). Pp. 48–70. DOI: <https://doi.org/10.1080/07393148.2014.995396>
- Galembert C.* Cause du voile et lutte pour la parole musulmane légitime // *Presses de Sciences Po. Societe contemporaine*. 2009/2. No. 74. Pp. 19–47.
- Galembert C.* Le voile en procès. Dossier thématique // *Droit et Société*. 2008. No. 1 (68). Pp. 11–31.
- Hajjat A.* Port du hijab et «défaut d'assimilation». Étude d'un cas problématique pour l'acquisition de la nationalité française // *Sociologie*. 2010/4. Vol. 1. Pp. 439–455. DOI: <https://doi.org/10.3917/socio.004.0439>
- Hopkins T.* Social reproduction in France: Religious dress laws and laïcité // *Women's Studies International Forum*. 2015. No. 48. Pp. 154–164.
- Khiabany G., Williamson M.* Veiled Bodies — naked racism: culture, politics and race in the Sun // *Race and Class*. 2008. No. 50 (2). Pp. 69–88.
- Kosrokhavar F., Gaspard F.* Le foulard et la République. Paris: La Découverte, 1995. 214 p.
- Lorcerie F.* (dir.) Politisation du voile en France, en Europe et dans le monde arabe. Paris: Éd. L'Harmattan, 2005. 266 p.
- Lorcerie F.* La loi sur le voile: une entreprise politique // *Droit et Société*. 2008. No. 68. Pp. 53–74.
- Lorcerie F.* La politisation du voile. Paris: Harmattan, 2004. 266 p.
- Mahmood S.* Feminist Theory, Embodiment, and the Docile Agent: Some Reflections on the Egyptian Islamic revival // *American Anthropological Association*. 2001. No. 16 (2). Pp. 202–236.
- Mayer T.* Gender ironies of nationalism: setting the stage / Mayer T. (ed.) *Gender Ironies of Nationalism: Sexing the nation*. London: Routledge, 2000. Pp. 22–37.
- Ramínez Á.* Control of female 'Muslim' bodies: culture, politics and dress code laws in some Muslim and non-Muslim countries // *Identities*. 2015. No. 22 (6). Pp. 671–686.
- Scott J. W.* *Politics of the Veil*. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2007. 224 p.
- Tersigni S.* «Prendre le foulard»: les logiques antagoniques de la revendication // *Mouvements*. 2003. Pp. 116–122.
- Tévanian P.* Le voile médiatique. Paris: Raison d'agir, 2004.
- Tévanian P.* Le voile médiatique. Un faux débat: «l'affaire du foulard islamique». Paris: Raison d'agir, 2005. 144 p.
- Thylin J.* The Burkini as a Symbolic Threat: Anthropological Perspectives on the Ban of the Burkini on French Beaches 2016. Lund University, 2017. 65 p.
- Yuval-Davis N.* Gender and nation // *Ethnic and Racial Studies*. 1993. Vol. 16. Pp. 621–632.
- Yuval-Davis N.* *Gender and Nation*. London: SAGE Publications, 1997. 168 p.
- Zempi I., Chakraborti N.* *Islamophobia, Victimisation and the Veil*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2014. 117 p.

References

- Abouddrar, N. B. 2014. *Comment le voile est devenu musulman* [How the veil became Muslim]. Paris: Flammarion. 256 p.
- Abu-Lughod, L. 2002. Do muslim women really need saving? Anthropological reflections on cultural relativism and its others. *American Anthropologist* 104 (3): 783–790. <https://doi.org/10.1525/aa.2002.104.3.783>
- Al-Saji, A. 2008. Voiles racialisés: la femme musulmane dans les imaginaires occidentaux. Les ateliers de l'éthique [Racialized Veils: Muslim Women in Western Imaginaries]. *Les ateliers de l'éthique* 3 (3): 39–55. <https://doi.org/10.7202/1044595ar>
- Al-Saji, A., and S. Dayan-Herzbrun. 2017. Hésiter et interrompre la vision racialisante. Bergson, Merleau-Ponty, Fanon [Hesitate and interrupt the racializing vision Bergson, Merleau-Ponty, Fanon]. *Tumultes* 48 (1): 51–70. <https://doi.org/10.3917/tumu.048.0051>
- Baubérot, J. 2015. *Les 7 laïcités françaises* [The 7 French secularities]. Paris: Maison des Sciences de l'Homme, coll. «Interventions». 397 p.
- Baubérot, J. 2012 (rééd. poche avec une postface / reissued in paperback with an afterword 2014). *La laïcité falsifiée* [Falsified secularism]. Paris: Éd. La Découverte, coll. «Cahiers libres».
- Baubérot, J., D. Bouzar, J. Costa-Lascoux, and A. Houziaux. 2004. *Le voile que cache-t-il?* [What is the veil hiding?]. Paris: Les Editions Ouvrières. 119 p.
- Baubérot, J., M. Milot, and Ph. Portier. 2015. *Laïcité, laïcités. Reconfigurations et nouveaux défis* [Secularism, secularisms. Reconfigurations and new challenges]. Paris: Maison des Sciences de l'Homme, coll. «54». 397 p.
- Billaud, J., and J. Castro. 2013. Whores and Niquabées: The Sexual Boundaries of French Nationalism. *French Politics, Culture and Society* 31 (2): 81–101. <https://doi.org/10.3167/fpcs.2013.310205>
- Bourdieu, P. 2001. *Masculine Domination*. Stanford: Stanford University Press. 133 p.
- Bowen, R. J. 2008. *Why the French Don't Like Headscarves: Islam, the State, and Public Space*. Princeton: Princeton University Press. 304 p.
- Cahon, J. 2019. Laïcité et signes religieux à l'école: quelle histoire! 1882–2019 [Secularism and religious signs at school: what a story! 1882–2019]. *Cahiers pédagogiques* 09.12.2019. www.cahiers-pedagogiques.com/
- Chakraborti, N., and I. Zempi. 2012. The veil under attack: Gendered dimensions of Islamophobic victimization. *International Review of Victimology* 18 (3): 269–283. <https://doi.org/10.1177/0269758012446983>
- Cohen-Almagor, R. 2022. *Republic, Secularism and Security: France versus the Burqa and the Niqab*. Hull: University of Hull. 63 p.
- Cohen-Almagor, R. 2021. Indivisibilité, Sécurité, Laïcité: the French ban on the burqa and the niqab. *French Politics* 20, 3–24. <https://doi.org/10.1057/s41253-021-00164-8>
- Costa-Lascoux, J., and J.-L. Auduc. 2006. *La laïcité à l'école. Un principe, une éthique, une pédagogie* [Secularism at school. A principle, an ethic, a pedagogy]. Chagny-sur-Marne: iufm et crdp de l'académie de Créteil. 176 p.
- Entwistle, J. 2001. The Dressed Body. In: *Body Dressing*, ed. by Entwistle, J. and E. Wilson. Oxford: Berg Publishers. 33–58.
- Ferhat, I. (ed.). 2019. *Les foulards de la discorde: Retours sur l'affaire de Creil, 1989* [The scarves of discord: Feedback on the Creil affair]. Paris: Editions de l'Aube. 168 p.
- Fredette, J. 2015. Examining the French Hijab and Burqa Bans through Reflexive Cultural Judgment. *New Political Science* 37 (1): 48–70. <https://doi.org/10.1080/07393148.2014.995396>
- Galembert, C. 2008. Le voile en procès. Dossier thématique [The veil in lawsuit. Thematic file]. *Droit et Société* 1 (68): 11–31.
- Galembert, C. 2009. Cause du voile et lutte pour la parole musulmane légitime (Cause of the veil and struggle for legitimate Muslim speech). *Société contemporaine* 2 (74): 19–47. <https://doi.org/10.3917/soco.074.0019>

- Hajjat, A. 2010. Port du hijab et «défaut d'assimilation». Étude d'un cas problématique pour l'acquisition de la nationalité française [Wearing the hijab and "lack of assimilation". Study of a problematic case for the acquisition of French nationality]. *Sociologie* 4 (1): 439–455. <https://doi.org/10.3917/socio.004.0439>
- Hopkins, T. 2015. Social reproduction in France: Religious dress laws and laïcité. *Women's Studies International Forum* 48: 154–164. <https://doi.org/10.1016/j.wsif.2014.09.002>
- Khiabany, G., and M. Williamson. 2008. Veiled Bodies — naked racism: culture, politics and race in the Sun. *Race and Class* 50 (2): 69–88. <https://doi.org/10.1177/0306396808096394>
- Kosrokhavar F., and F. Gaspard. 1995. *Le foulard et la République* [The scarf and the Republic]. Paris: La Découverte. 214 p.
- Lorcerie, F. 2008. La lois sur le voile: une entreprise politique [Headscarf Laws: A Political Enterprise]. *Droit et Société* 68: 53–74. <https://doi.org/10.3917/drs.068.0053>
- Lorcerie, F. 2004. *Politicisation du voile en France, en Europe et dans le monde arabe* [Politicization of the veil in France, Europe and the Arab world]. Paris: Harmattan. 266 p.
- Lyubart, M. K. 2021. Faktory i triggery sovremenogo terrorizma. Razmyshleniia na primere so-bytii vo Frantsii [Factors and triggers of modern terrorism. Reflections on the French events]. *Tsivilizatsiia i varvarstvo* 10: 79–102.
- Lyubart, M. K. 2006. Araby-migranty v sovremennoi Frantsii [Arab migrants in modern France]. In *Meniaushchiasia Evropa. Problemy etnokul'turnogo vzaimodeistviia* [A changing Europe. Problems of ethno-cultural interaction], ed. by M. Yu. Martynova. Moscow: Institut etnologii I antropologii RAN. 234–260.
- Mahmood, S. 2001. Feminist Theory, Embodiment, and the Docile Agent: Some Reflections on the Egyptian Islamic revival. *American Anthropological Association* 16 (2): 202–236. <https://www.jstor.org/stable/656537>
- Mayer, T. 2000. Gender ironies of nationalism: setting the stage. In *Gender Ironies of Nationalism: Sexing the nation*, ed. by T. Mayer. London: Routledge. 22–37.
- Ramínez, Á. 2015. Control of female 'Muslim' bodies: culture, politics and dress code laws in some Muslim and non-Muslim countries. *Identities* 22 (6): 671–686. <https://doi.org/10.1080/1070289X.2014.950972>
- Safran, U. 2011. Natsional'naia identichnost' vo Frantsii, Germanii i SShA: sovremennye spory [National identity in France, Germany and the USA: modern controversies]. *Politicheskaiia nauka* 1: 64–97.
- Scott, J. W. 2007. *Politics of the Veil*. Princeton and Oxford: Princeton University Press. 224 p.
- Shakhov, M. O. 2014. K voprosu o pravovom sootnoshenii printsipa svetskosti gosudarstva i printsipa otdeleniia ot nego religioznykh ob"edinenii v sovremennoi Frantsii [On the question of the legal relationship between the principle of Secularism of the State and the principle of separation of religious associations from it in modern France]. *Religiia i pravo* 2. http://www.sclj.ru/news/detail.php?SECTION_ID=389&ELEMENT_ID=5702
- Tersigni, S. 2003. «Prendre le foulard»: les logiques antagoniques de la revendication [“Take the headscarf”: the antagonistic logics of claiming]. *Mouvements* 5 (30): 116–122. <https://doi.org/10.3917/mouv.030.0116>
- Tévanian, P. 2005. *Le voile médiatique. Un faux débat: «l'affaire du foulard islamique»* [The media veil. A false debate: “the affair of the Islamic headscarf”]. Paris: Raison d'agir. 144 p.
- Thylin, J. 2017. *The Burkini as a Symbolic Threat: Anthropological Perspectives on the Ban of the Burkini on French Beaches 2016*. Ph.D. diss., Lund University.
- Yuval-Davis, N. 1997. *Gender and Nation*. London: Sage Publications. 168 p.
- Yuval-Davis, N. 1993. Gender and nation, “*Ethnic and Racial Studies*” 16 (4): 621–632. <https://doi.org/10.1080/01419870.1993.9993800>
- Zempi, I., and N. Chakraborti. 2014. *Islamophobia, Victimisation and the Veil*. London: Palgrave Pivot. 109 p.